

**Шесть
нот.
Зачеркнутая
луна.**

Мишель Верса

18+

Мишель Верса

Шесть нот. Зачеркнутая луна

«Автор»

2026

Верса М.

Шесть нот. Зачеркнутая луна / М. Верса — «Автор», 2026

Действие происходит на Сивелле, где командир высшего легиона Джейс Стейн раскрывает заговор против наследницы престола, в который вовлечены существа из древней мифологии. На помощь командиру выдвигается пара друзей, которым для избавления принцессы приходится войти в замысловатые роли. Сам Джейс грезит браком с принцессой, но чтобы воссоединиться с нею, нужно преодолеть не только настоящее, но и прошлое...

© Верса М., 2026

© Автор, 2026

Мишель Верса

Шесть нот. Зачеркнутая луна

Глава 1

Шесть нот. Зачеркнутая луна

Книга вторая

*Если, Господи, это так,
Если праведно я пою,
Дай мне, Господи, дай мне знак,
Что я волю понял Твою.
Перед той, что сейчас грустна,
Появись, как Незримый Свет,
И на все, что спросит она,
Ослепительный дай ответ.
Ведь отрадней пения птиц,
Благодатней ангельских труб
Нам дрожанье милых ресниц
И улыбка любимых губ.
(Николай Гумилев «Канцона»)*

«Любовь – это всё, и это всё, что мы о ней знаем»

(Эмили Дикинсон)

Пролог

Галактика Бронзовых верей, Сивелла, и время уже позднее.

— Приветствую вас, ваше величество.

Отвешивается самый изысканный поклон. Кесарю – кесарево, в любом измерении.

— Кто вы?

Холодно и хлестко. Хмурая ночь, что выдается раз за сезон из нескольких долгих месяцев, – ничто в сравнении с хмурым взором короля.

— Джейсвер Стейн, маркиз, глава королевского легиона Айены, военного ведомства Мирты, с вашего позволения и к вашим услугам. Прошу прощения, что не предупредил о своем появлении. Не пришлось.

Немая пауза.

Полноценно разразившееся безмолвие – свидетельство того, что король слишком хорошо осведомлен и о Мирте, и о том, что не сыскать ее среди нынешней звездной картографии. Летописные экземпляры – иное дело. Там она наличествует, выписанная прекрасным изящно-угольным венцом творения. Относительно Айены монарх может и не знать, но способен догадаться, что, в принципе, не предосудительно.

— Пересечение, если угодно, ваше величество, — спешит добавить собеседник.

— Где моя дочь? — короля явно не впечатляет понятие вселенского масштаба с отзвуком давно уснувшей мифологии.

— В безопасности, клянусь своей честью и славой Светлых Королевств. Под защитой корабля-арганта, парящего над Сивеллой, ожидающего благоприятного случая для приземления и явления принцессы в среде, не вполне для нее благоприятной. Я сказал бы, весьма небезопасной, по итогам недавней даты.

Король иссекает говорящего суровейшими взглядами. Если взгляд приравнять к оружию, то полночный собеседник многократно уже заколот и убит.

— Яснее, рыцарь Мирты. Айены, — король едва не добавляет что-то вроде сущих во всех измерениях вариаций на тему чьей-нибудь матери или чего потяжелее. Что-то мешает ему быть откровенным. Видимо, монархическая благопристойность и такт.

— Извольте, ваше величество. Все, что мне доверено знать. Несколько дней назад ее высочество в порыве неприязни к некоторым персонам из ее окружения (полагаю, вам они известны) изолировала себя конным способом где-то в окрестностях. Точнее – поблизости.

Король свирепо кивает, сильнее впивается взглядом в рассказчика. Рыцарь Айены и не думает робеть под воздействием пронзительного, вполне разумного недоверия. И готов сотрудничать.

А выложить придется не только чертову быль о коварной чародейской кобыле, заманившей коня и всадницу в чародейские рощи Лейланда. Темная лошадка, как говорится – самый безобидный винтик в этой дьявольской круговерти. А хижина, откуда принцесса унеслась чуть не в последнюю секунду (король чуть искры не мечет от гнева, оно и понятно)... Чаща крошечная с убиенным скакуном в эпицентре, а после – погоня за живыми свидетелями. Это он изложит королю скоро и обстоятельно, словно въедливому исповеднику. Но... придется поведать о диковинных странностях в виде неожиданной и своевременной помощи свыше, начиная от божьего одуванчика, рвущегося к пропасти, кончая доблестной дубравой на литтирском подворье...

Краем глаза он наблюдает троицу – клеветы короля, надежные политические фигуры, как он и советовал. Фигуры молча, вяло и пока что аполитично отсвечивают позументами на плащах, лиц не различить. Собственно, он отвечает зеркальной вежливостью, прикрывая наиболее интересные черты внешности широкой пантирой [1. пантира – сивелльское прозвание мужского капюшона, зачастую съемного], из чего следует, что собеседник короля непроницаем и обаятельно подозрителен. При неверном свете звезд он представляет головоломку для бессытных глаз. И всепроницательных ушей, если дополнить список.

Между тем, у него тоже есть свидетели. Свидетель номер один – сама принцесса, какая вскоре прелестными устами изложит ту же вереницу фактов, за исключением скрытых от нее духовных моментов, в которых она не принимала участия. Плюс одно весьма многолетнее семейство из предместья, облагодетельствовавшее их кровом и оказавшее немалое содействие при атаке Мораны. Прекрасные люди: простая и добродетельная домовница Миера, ее благоверный Эрра и бравые победители нечисти – отроки с льняными волосами. Неплохо бы, ваше величество, оградить их свидетельские показания от нечаянной мести... Земля слухами полнится...

А за облака вознести принцессу пришлось оттого, что больше прятать ее было негде. И если сей почти документальный факт его величеству неприятен...

— Что у вас за пазухой?

Ох, ничего себе... Только теперь он замечает восхитительный свет, пульсирующими толчками выступающий за пределы полевой униформы на уровне груди. Если быть точным, в аккурат слева от молнии-застежки.

Кабы не монарх, он, как пить дать, эффектно присвистнул бы – его величество ведь тоже едва сдерживается. Там, под тканью – сберегаемый от непогоды бутон с тычинками из серебра, проявившийся накануне прямо из-под земли – четверти часа не прошло. В Мирте, насколько известно легионеру неботанического склада ума, флора не имеет обыкновения вспахивать черnozем у тебя под ботинками. И не тянется так отчаянно, будто бы это последний шанс, и произнесена команда «К ноге!» ... Можно поклясться: растение ведет себя не по-цветочному, как живое существо льнет к первому встречному, словно к родной душе. Неизведанные впечатления на странных берегах.

Понять его величество не так сложно. «Черт его раздери, не может быть...» – именно в сем направлении текут помыслы великого государственного мужа. Это понятно по движению лицевых мышц. Монарх попросту не верит собственному зрению. Ночь как-никак. Простирает руку, дабы проверить, не мерещится ли, не голография ли (если здесь таковые в ходу) ...

— Я преступил некое правило, ваше величество? — тревожится ночной рыцарь, совершенно не ознакомленный с видами местных растительных ноكتюрнов. Но чудо серебряное ведь само напрашивалось, да и теперь всеми фибрами ищет знакомое тепло, клонится к «хозяину», сочится на полночи хрустальной предрассветной росой, роняя перламутр. Примечательно, что к ауре королевской руки цветок притяжения не кажет... Не родился еще лиходей (да и вряд ли родится), к коему вот так будет благоволить альцерис, дитя богов в гибком травянистом обличии...

— Ничего вы не преступили. Всего лишь добыли необычайно редкий образец, — король заканчивает характерным покашливанием, а гость безмолвствует, давая собеседнику время все обдумать с точки зрения реликтологии (если таковая здесь в почете).

— Итак, вы избавили мою дочь от трижды назначенной ей участи, — голос монарха выражает власть и суровую решимость. — Что вы хотите за это? Любое вознаграждение, на какое я способен. Если желаете, димидиум [2. димидиум – мера, обозначающая половину.] от владений Флимма.

— Ваше величество, я выполняю поручение Светлого Короля и просьбу Светлой Королевы. Благодарю, мои личные владения обширны.

— Ясно. А личная просьба имеется у вас? Та, что я могу удовлетворить.

— Ваше величество, с вашего расположения смею просить руки вашей дочери. Разумеется, исходя из ее согласия, и только так...

Король прищуривается, медленно отводя голову назад, взгляд его тяжелеет от задумчивости, а собеседник, замерев внутренне, ожидает ответа. Никогда и ничто так его не волновало, как невысказанное еще краткое слово... Слово на всю жизнь...

Далее воспоминание слабеет, расплывается миражами, и они тихо уплывают из виду, как невесомые бригантины канут в туман, словно бы их и не было в его судьбе... Шорохи, шаги, густеющие ароматы... сны...

Часть первая.

Театр по причине государственной необходимости

Глава 1. Невыносимо

Четверо против одной – Иннир боялся именно такого обвинения. В некотором роде, оно было оправдано – совершеннолетнюю принцессу настолько идеально лишили голоса и права вмешательства в дела королевства и еще в кое-какие события... Он пока не был посвящен в подробности. Ясно только, что вовремя и образцово подсуетились дубравная бригада: Флеру обездвижили без ее ведома, дружной эстафетой вытянули из хранилища, водрузили на выверна. Не зря он загодя обустроил удобное седло со страховкой на загровке у дракона. Как знал. Нарочно захочешь сорваться – и не тут-то было – автоматика железная, от известного изобретателя, сработает только по приземлению.

А потом, Баэль подхватил бы ее в самой печальной версии – они с принцессой такое уже проделывали, даже демонстрировали свое поднебесное проворство. Акробатику. А попросту – адреналиновое хулиганство. Светской фразеологией подобное лучше не называть – ни один придворный такого не переживет, даже на слух в теории. Помнится, когда он впервые увидел Флеру, как бы между прочим соскользнувшую с драконьей брони и ухнувшую вниз, то, говоря объективно, он просто обалдел и бросился на перехват, распахнув крылья, – инстинкты сработали быстрее, чем мозг. Баэль опередил, упал камнем за нею, словил аккуратно, как куколку... Куколка хоть и клялась с невинными глазами, что «все равно подстраховалась при помощи

троса», но... Иннир, при всем своем безрассудстве, подобных прыжков в легкую облачность не практиковал, да и Флеру умолял больше так не делать... вразумлял долго и с пристрастием...

... Когда девушку отстегнули и спустили с виверна, она приходила уже в себя – полет и предутренний ветер сделали свое дело. Неясно было, куда ее влекут, но из уважения к знакомым лицам она не стала сопротивляться. Вначале. Когда аргант воспарил, пришло горькое осознание...

Почетная роль утешителя и уговорщика выпала капитану, по старшинству. Не нужно плакать, милым девочкам это вредно, а принцессам такое и не положено... все образуется, море лечит, волна приходит за волной, ночь темна перед рассветом – и все это может подтвердить даже самая бессовестная на враки русалка, ни разу к ним не прибывшаяся, к ее же благу...

Словом, жалея прижавшуюся к его тельняшке, изнемогшую от плача принцессу, Йон вспомнил все подходящие случаю грамматические обороты, от которых становится светлее на душе. Молодежь вносила свой вклад, неслышно дирижировала, образно, но скорее симфонически разводя руками.

Услыхав о русалке, принцесса залилась слезами с особым отчаянием. Ее долго отпаивали травами в кубрике, потому что она не способна была членораздельно потребовать немедленного спуска на Сивеллу, поближе к Гвенне и к тому, кого она там оставила. Не по своей воле!

Иннир и Кедда кратко, но информативно переглядывались, не решаясь вставить полсловечка: Иннир – оттого, что Йон был неподражаем в новой риторической роли, а Кедду Флере еще не представили. Все выглядело довольно-таки безнадежно, покуда не объявился Рони и не сообщил, слегка запыхавшись от перехода, что драка завершена, и дым рассеивается, простите за вульгарный буквализм...

— ... Его величество невредим, на нем, по счастью, ни царапинки. Морочившая голову сумеречность болотная отлично отыграла роль вашего высочества, и даже мне, разглядевшему это буйное чудо природы в монобль, поначалу стало не по себе – так яростно она защищала командира.

— Что с *ним*? — убитым голосом спросила Флера, вздрагивая всем телом, не отрываясь от иллюминатора. — Вы скажете или нет???

На буфетном столике перед принцессой в художественном беспорядке высились расписные эпохальные бокалы с холодными растительными компонентами, сверкали кубки с горячим содержимым, скромно простаивали пиалы с чем-то средним по температуре и консистенции. Венчала композицию прозрачная чаша со льдом; бруски – льдистые, фигурные, оплывающие – истекали влагой, скорбели за компанию. Все объекты имели самый неустраиваемый вид.

Пока Флера горевала, уткнувшись Йону в тельняшку, словно в отцовскую мантию, в кубрике беспощадно извели всех русалок, а все намекающие занавески отправили по этапу во встроенные пеналы, до лучших времен, когда хвостоногих дев можно будет реабилитировать.

— Жив он, жив, мадемуазель Флера...

Принцесса не выдержала, уложила локотки на холодное стекло, лишенное кисеи, зарыдала в него беззвучно, судорожно переводя дыхание. Тут даже Йон был бессилён.

Кедда под впечатлением тихо покинул кубрик. Вослед ему заторопился капитан, пообещав, что сейчас договорится с электроникой, и кораблик совершенно волшебным образом спустится пониже, поближе к планете и станет ее искусственным спутником, а там, глядишь, и плавным метеором цвета новорожденной звезды в ярко-голубом хроматическом выражении. Рони объявил, что программа «Метеор», вообще-то, уже запущена, но если кэп настаивает, то пусть проверит, за чем же дело стало. Предложение пришлось до того кстати, что в кубрике при питейных утехах оставили одного Иннира, если не считать безутешную девочку у иллюминатора и пару механизмов, вопросительно моргавших на рубеже перегрева.

Иннир боялся слез. Их все боялись, даже Рони.

— Флера... — юноша легонько тронул плечо, сокрытое огненными прядями. — Такие, как командир, просто так не сдаются. Они вообще... Поверь мне.

— Он ранен? — глухо прозвучало в ответ.

— Он поправляется, скоро будет в норме. Отец лично следит за этим процессом.

Пронеслась долгая череда звуков, непереносимых с точки зрения человеческого естества.

— Я хочу его видеть...

Самое главное желание произнесено было уже в нагрудный карман с золотистой молнией.

— Пока туда нельзя, командир так просил. Выйдет на связь – сразу спустимся. Прошу, потерпи немного...

Флеру, готовую уже упасть и не подняться, посетило вдруг удивительное спокойствие: властно распахнуло тяжелые завесы, спустилось в растревоженное горем сознание и тихонько и не совсем логично там обосновалось, захватывая новые и новые рубежи. А может, попросту слез больше не осталось? Нет, не то. И вышитая неоном молния, и ее обрамление, и то, что внутри, излучали несбиваемую уверенность в том, что все сказанное в связи командира, – истинная правда.

— Как ты это делаешь?

— Что именно? — Иннир провел-таки рукой по пушистым огненным прядям, и отдалось это так запросто, будто бы он притронулся к очаровательной, но совершенно родной сестренке. Не было постылой, изводящей ревности, которую и высказать-то некому, кроме зеркального «я». Комок льда в сердце растаял, боль не так обжигала, как раньше. Он неотступно, раскаленно любил ее, но теперь – как-то иначе. Одно не изменилось – желание стереть в порошок всех противящихся ее счастью... даже если оно с его персоной не связано...

— Ты умеешь уговаривать... — она подняла голову, не побоявшись явить заплаканную свою суть, встретила спокойный, чуть прищуренный темно-синий взгляд.

— Наверное, это наследственное...

— Ты спустишься со мной?

— Будь уверена. Одну не отпущу. Передам из рук в руки.

Флера бледно улыбнулась, бессильно фыркнула: вспомнила, как ее, лишив контакта с курткой командира, бережно передавали именно таким порядком. Сначала в долгом претемном пассаже, где за столетия наслоились тени, и куда так боязно спускаться в одиночку... затем вверх по лестнице, все дальше и дальше от злополучного и одновременно желанного места. Только вместо рук были прохладные, шершавые, гибкие ветви. Невзирая на максимально деликатные прикосновения, она думала воспротестовать, возмутиться – не вышло... Сознание быстро смеркалось, листва шелестела слишком уж вкрадчиво, усыпляюще... Так или иначе, устойчивый риторический вопрос «Господа, с ума вы сошли?», взятый по аналогии с недавно услышанного в ее личный адрес сообщения, не прозвучал. И автор вопроса далек был от нее и недоступен, как сто прошедших сновидений...

Глава 2. Природа лечит

— Каково, однако, спалось? Заводи нездешние, мил человек, – заводи привиделись?

— Премного благодарен, отменно, вашими трудами! Насчет заводов вот не уверен... Отче, располагайтесь, прошу!

— Истис и все лихие чудотворцы...

Чопорное «благодарствуйте» по факту предоставленного для восседания не иначе как царского седалища сменяется охами и комментариями, от которых восхищенно цепенеют слуховые рецепторы. Сивельская фразеология – явление, пером непередаваемое, ибо у слушателя попросту темнеет в ушах. А причина устных излияний банальна – исключительная ботаника в ближнем и дальнем обозрении. При соседстве вековечной, мирно дремлющей растительности выразаться можно лишь начистоту, изысканно, языком дубравного эксперта. А

как бы ты, мил человек, сформулировал восхищение? Вон тот, к примеру, меланхолично покачивающий лапами голубоватый эфедра – собрат, а то и одногодка самому Великому Эдре.

— Эдра? — мил-человек готовится к всплеску просвещения.

— Кедр то бишь, старейшина. — Тефиус в приступе просветителя потрясает бородушкой, указывает туда, где присносущий кедр, само собой, виден круглые сутки: — В седой тайге сей пастырь обретается, на закатной грани Лейланда. К корневым историческим событиям, опять же, имеет отношение, как родоначальник... Видишь ли, когда Дисмар явил могущество свое среди итернов...

Противоречить старшему из теев было нечем. Все верно. Королевский зимний сад невозможно обозревать без зашкаливающего славословия, даже если нет соответствующего ботанического образования. Местечко, пропитанное всеми оттенками зеленого, древесными снами, непотревоженными грезами, влажностью и дымками, имеет название Рон-Ретум – Джейс услышал его от короля. Сомневаться не приходится – имя оное тоже имеет вполне корневую отсылку к хронологии, причем с буквальностью: корни сии явно ведут в прошлое, и не в единственное. Следуя по ним (как это проделывает Тефиус), много чего путного выведать можно.

Джейс медленно, настойчиво вдохнул пары вперемешку с цветочно-смолистыми ароматами. Голова приятно «поплыла».

— Пройдет, — добродушно заметил Тефиус и продолжил системно изумляться, выворачивая седовласую голову самым невозможным образом, по типу подзорной трубы, добросовестно вращающейся на худеньком штативе.

Изучив ближние изумрудные горизонты скрупулезно, «по циркулю», Джейс задрал голову. Вышняя ограда сада свободно пропускает свет, отчего создается впечатление, что ее не существует. Но микроклимат говорит в ее пользу. Здесь просто иная вселенная, флоральная. Над высоченными стволами блуждают туманы, отпрыски молочного пара висят на верхушках, да и за ветки цепляются так художественно... Палитру в руки – и писать... Идиллия полная, господа...

Где еще слегка пострадавшему при исполнении, чистокровному золотоносному свату продолжить начатые хлопоты, встретиться с главой неистребимой дубравушки? Знамо дело, в природных условиях, где переплелись сущности и начала, куда теей имеет полный доступ согласно сути рождения.

Его величество внятно распорядился, чтобы Эгеона Форньота отвели в Рон-Ретум с целью укрепления самочувствия и там оставили для дыхательных процедур и эстетики. И не дай бог чья-нить неэстетично-любопытная харя засветится между экспонатами... пусть потом пеняет на себя в зеркало, если какой-нибудь детали в нем не досчитается... Король грозился лично проследить за ингаляциями раненого, а таковые угрозы приравнялись к государственной бумаге за именной подписью на золоченом бланке... значит, ни один обозначенный хариус в сад не дернется, поскольку созерцать себя в застывшую ртуть никому покамест не недоело.

Местечко было весьма вместительным. Пространным. По ощущениям – безграничным. Джейс не чуял наблюдения и имел все поводы надеяться, что королевское внушение не прошло даром. Он сидел против Тефиуса, делал ингаляции, испытывал эстетическое наслаждение и ждал, пока отче будет способен говорить о делах суетных.

За два дня реабилитации разговоров накопилось достаточно. Пока он отлеживался, призывные взгляды в сторону подоконных горшков ничего не дали. Ни Тефиус не являлся из оных горшков, ни его сородичи. А может, он попросту не замечал их среди плавающего бреда...

Очнувшись не далее как вчера вечером, он помнил лишь одно девичье имя, не сходявшее с языка. Себя и свою принадлежность к определенному месту и роду занятий во Вселенной он уяснил чуть позже, поступательно, под сердечную шестинотную увертюру, от коей тянуло

взмыть и утечь в распахнутое окно, за границы атмосферы Сивеллу, не дожидаясь прибытия Рони... Сил не было ждать...

Все эти два дня король громогласно руководил снабжением запертой в фамильном склепе наследницы. Продукты с лучшего подворья, гардероб, пяльцы для вышивания династических розочек, алой, белой и для разнообразия ультрамариновой. Дрова для сугреву – затворница сама камин истопит, ибо не то еще умеет затейница... Его величество орал так, что даже Джейс слышал. Особенно сквозь бред. Доставалось, впрочем, не только верным дворовым и вельможам с вельможницами как сословию, складному на сглаживание жуткого монаршего заскока. Неслабо перепадало и самой наследнице, заключенной во временную немилость и державное складское помещение. Что характерно, повадилась гулять. Уезжает одна, а возвращается с товарищем... Разыскивай ее потом, впутывай посторонних, дели дворцовое пространство со всяким непотребным добром. Подробности по идентификации добра не уточнялись, но каждый, кто сие слышал, рационально переводил стрелки на товарища.

Джейс слегка поморщился от вспыхнувшей боли в плече. Ничего, остаточные явления.

— Ну-ка, глянь на меня, мил человек, — встрепенулся бригадир.

Джейс послушно уставился в добрые желтеющие фонарики, до странности разгоревшиеся, и впервые разглядел в них удивительные разводы, ярко-желтые завихрения. Этакая размешанная спиралью охра. Еще он представил, как совсем скоро будет вглядываться в иные глаза... Горячая волна ударила по конечностям, сердечные мышцы светло, голову закружило, как в истребителе без башни, но без прежнего дискомфорта.

Боль словно бы вытекла из него – вся, без остатка. Он напряженно прислушался – да нет, те же самые ощущения. Ни страданий, ни их предвестников. Отлегло.

— Отче, ваше мастерство...

От избытка благодарности он запнулся, сотворил поклон и весьма уважительное выражение, принял целебный эликсир в резном серебре – «для закрепления терапевтического эффекта и самосовершенствования». Жидкость отдалась во внутренности неведомым ранее послевкусием покоя и стойкости, в обычной жизни доступным немногим, и то в небесных сферах. Долгий блаженный выдох...

Тефиус степенно, с невыразимым удовлетворением потер руки:

— Случилось... Состоялось, то бишь!

Джейс глянул вопросительно.

— Причастие, оно самое, — непонятно пояснил старик. — Земля-то кровь чужедальную не отторгла. Приняла, уста отверзши, как приношение чистое, страстями порочными не запятнанное. Вот те и ответ, твое благородие...

Джейс, то ли под воздействием тумана, смотрел на него ясными глазами, как известный зоологический экземпляр на новые ворота.

— В свитке писано, — решился уточнить лесничий, повысив градус информационной напряженности, рисуя в воздухе подобие длинной скалки для теста, — от крови нездешнего, отдавшего ее своей волею ради другой, аки заместитель... Словом, не гость ты уже в сих пределах, мил человек...

— Вы намекаете, что гостевой приоритет больше не работает? — с нелепой пунктуальностью уточнил Джейс, и Тефиус завел яростные свои фонарики чуть не за пределы глазных яблок, приобретши вид совершенно мистический.

— Рановато тебя в садик приволокли, дали бы маковке ишшо денек отлежаться...

Еще ночь и день без принцессы? Джейс враз принял образ человека, переставшего валять дурака:

— Не нужно, отче. Я верно понимаю, что твердь земная, что меня носит, — он указал глазами на травянистое подножие, — воспринимает меня теперь несколько иначе?

— Дошло наконец до чересчур ученого, — обрадованно проворчал Тефиус. — Несколько! Именно иначе! Толкуй яснее – как своего! Хошь – считай, что тебе обозначили двойное гражданство, если так тебе сподручнее воспринимать курьезы бытия и общинные аспекты... Теперь – по проведенной диспозиции...

Джейсу не пришлось долго и очарованно хлопать глазами, воспринимая событийные аспекты, помноженные на курьезы, – он прилежно приготовился внимать, но Тефиус, прехитро усмехнувшись, скользнул вдруг с плетеного трона. С издевательской потрескивающей грацией, отчего-то на цыпочках подобрался к фонтанчику, беспечно моросившему хрусталем, сплел самое каверзное выражение, указал в водяное жерло сучковатым большим пальцем (а проще сказать – ветвистым отростком). Джейс все понял – распространяться пока можно на общефилософские и метеорологические темы.

— До чего приятное место, в плане бытия, и климат балует, — сказал он благостно, подойдя к фонтану, дерзким манером испил водицы, сопровождал восхищение соответствующими звуками, означавшими, что человеку либо невероятно плохо, либо слишком хорошо.

Поверхность воды взволновала легкая нетипичная рябь, и проявилась она в неполюженном месте.

— Погодка туманная, для роста и развития самый колленкор, — Тефиус демонстративно вытянул шею, ехидно донося послание в самые глубины источника, притворившегося глуховатым, но слегка возмущенным от природы.

— Отче, это вы меня штопали? — Джейс покосился на плечо. Помнится, вышний командир тоже некогда ранен был в плечо... тоже в левое...

— А то кто же, мил человек... Препоганая вещица этот Акатавик! Работает в обе стороны, если ты не в курсе! Рубит без разбора, только попадись! — сие Тефиус возгласил, прилежно посылая акценты куда нужно.

— А что сие за механизм такой? — полюбопытствовал Джейс.

Тефиус уводил уже его прочь от артезианской мраморной чаши, справившись с недоблестным побуждением показать неприличный знак в адрес льющихся вод. Влажноватая дорожка приятно до мурашек шуршала под ногами. Мимо величаво проплывало полупрозрачное пуховое облачко. Одно загляденье.

— Акатавик – стилет, что ты наблюдал в лапах у хатта. Инструмент проклятых, нечеловечьего ума и исполнения. Препоганый, словом...

— Как так? И кто автор?

— Некто из униженных, — Тефиус кивнул под ноги, подал знак, что можно говорить свободно, продолжил задумчиво: — Летописных версий насчет мастера несколько. То ли некий дух его исполнил, заклив хтонический сталактит по просьбе известной тебе дамы. То ли переродившийся хатт наколдовал. Либо через намертво забытое, запертое Перейдище его пронесли живым на горе...

Мозг Джейса заработал в режиме принятия и обработки. Любование красотами дендрария, полный контроль волны восхищения и цепкое восприятие не то мифов, не то яви стало привычным для него времяпровождением.

— Жажда у него одна – крови упиться. Да так, чтобы безраздельно и наповал... Одно могу сказать авторитетно – рана от Акатавика, по сути, непреодолима, если только субъект не находится под полным покровительством богов и вышних субъектов. Смекаешь? — Он выдержал эпическую паузу, присовокупил как бы между прочим: — Либо субъект настолько увлечен кем-то из проживающих на этом свете – что характерно, противоположного пола – что попробуй вынеси его вперед ногами... бредовая получится идея!

Джейс взглядывал на него серьезно и весьма аналитически.

— В два дня такие ранения и не проходят – чтобы ты знал, а ты, я вижу, ни в одном глазу. Отдышался, то бишь, в дендрариях. Встречать уж вознамерился кого?

Джейс улыбнулся.

— Про землицу в покое принцессы помнишь? Прямо, мил человек, у входа нужно оборудовать! Чем больше точек доступа, тем обширнее наши возможности, сам понимаешь. Твой личный будуар я уже инспектировал – царская ночлежка, и горшков хватает... послеживай все же, чтобы не умыкнули вороги... И не лишним будет пальму присовокупить, под потолок росточком... дабы корневое корневище солидным было, что твоя биография...

Джейс кивал как зачарованный, а Тефиус закончил вовсе загадочно:

— Великие дела затеваются ныне – летописцы вострепещут... Пергаменты зашуршат под перьями...

Следующий фонтанчик они обогнули, так же вдоволь наиздевавшись, неся по очереди всякую ересь про устойчивость влажности в данной географии и удивительно дрянное качество воды, судя по лакмусовым этикеткам, совершенно не менявшим цвет. В ответ поднявшимся обиженным пузырькам сказано было, что, дескать, водица пузырится микрофлорой, ибо сама не сечет, где течет и с какими погаными грунтами имеет сношение. Разговор получился философическим и донельзя поучительным. Джейс обещался уговорить короля отгрохать плотину (а надо будет, и все десять) и перекрыть доступ вредоносной влаге, а понатыкать скважин более благонадежных в плане вспоможения королевству.

— Уж где он под землей сочится, какие камни точит – мне, ясен пень, не ведомо, — сказал Тефиус в безопасном отдалении, имея в виду Элга из Кипящей. — Вполне себе, что и отчитывается в чертогах перед чертовой царицей. Это, как говорится, на его мутной совести. А в портфолио его я не вникал.

Джейс выразил искренние свои надежды, мол, в случае масштабного пожара в читальне Элг все-таки, образумившись, выбрал бы верную сторону.

— Кто его прознает, — хмуро молвил лесничий, — у нас ведь, мил человек, даже в древней братии биполярное брожение на некоторой почве... Не все ветвеглавы пришли, когда позвали...

Вот оно как, оказывается...

— Я так понимаю, что причина разделения – самая что ни на есть идеологическая? Некий лейтенант?

— Верно понимаешь, он самый...

— Не ко двору пришелся?

— Предначертанные пришельцы редко приходятся ко двору, да и ко времени не особо подстраиваются, несмотря на то, что о них пророчествуют с придыханием и завидным постоянством, — Тефиус ответственно вздохнул. — Общеизвестный факт, хотя и не утешительный.

— Отче, а вы меня, часом, ни с кем не путаете? — Джейс откровенно сузил глаза.

— А и действительно, — блаженно призадумался лесничий.

— Вот видите...

Тефиус хмыкнул, глянул, снисходительно колыхая бородушкой по-над дорожкой:

— Не верится тебе? Ответственность самозванца тебя замучила? Чужие погоны жмут? Понимаю, но тут не вывернешься... Внушительные совпадения вокруг да около. Один Альцерис всех за пояс заткнет при обстоятельной дискуссии. В нашей гильдии, чую, таковая разрастется – Диона еще в силу не войдет. Лейтенант, вишь ли, получается до вредности четкий да ладно скроенный, как нарочно срисованный. Никакого плагиата. Иллерет – фигура конкретная... Терпи, что теперь остается...

Предложение, практичное до бесподобия, Джейса восхитило и даже умилило:

— Приложу все усилия, отче. А этот ваш... как вы сказываете, на буквицу «и» да при погонах ... — он запнулся, подыскивая слова, но не имел успеха. — Я бы, однако, не согласился, что сил нам с вами не достало, — заметил он, поберегшись летописных продолжений.

Тефиус победно хмыкнул, и далее Джейс выслушал то ли исповедь, то ли отчет о проделанном штурмовом десанте.

Услыхав приказ, точнее просьбу живенько ретироваться с поля военных действий, лесничий не сразу уразумел идею сгинуть с глаз долой и нахально рассредоточиться по читальным залам для воздаяния лазутчикам, когда начнется жара. Вначале они с древесными вояками горестно отступали и молча крыли свой позор не вмещавшимися в разум двуногих крылатыми выражениями. Когда вдалеке полыхнуло чем-то родным, но давно забытым, хроникальным, бригада оживилась и оценила не только деликатность командира, но и рассчитанный маневр, и принялась изувечивать не совсем внятных, но поддающихся увечьям сущностей. Тефиус, впрочем, не конца понимал, с кем они дрались:

— Хатты, судя по облициям, но какие-то неполноценные. Я бы сказал, недоделанные. То ли непосвященные... И гахистов полна коробушка.

— А это что за диво?

— Гахист – тварюшка липучая, лицемерная. Мерзкая как грязь под ногтями. Полуплотная по строению, больше духовная, чем материальная, но особо заматеревших можно и осязать, хоть и отвратно сие занятие до жути... Да ты их видел, должен был. Типа червей земляных, но насчет полезности у них все наоборот. Землеточцы паразитирующие, анаплазмы. Поодиночке – мелочь трусливая, а хором могут и душеньку высосать – хоть скотину возьми им, хоть человека, хоть древо... А пустить их в заводь какую – испаскудят в рекордные сроки, и выйдет чистая болотина, кикиморам на новоселье, — это Тефиус бросил прямо в жерло очередного фонтанчика с обреченно сочившейся струйкой.

Джейс морщился – мелочь трусливую он как раз-таки превосходно наблюдал. И горела она тоже превосходно. Тефиус кивнул:

— Има для них убогих – страсть смертельная, и пожарище его бесплотное – путь в один конец, безвозвратно.

Джейс помнил, как нырял в тот неистовый зеленоватый пламень, задевал локтями пляшущие по сторонам языки – без малейшего ущерба в адрес одежды, тем пуще своей персоны. В Мирте с этакой безвредной, а точнее избирательной плазмой взаимодействовать не доводилось. Есть чему поучиться у подшефных, как ни крути.

— Но Има ведь не кукушка-провешунья и не сизарь на посылках. Стратим не приходит по первому требованию и не являет себя из-за пазухи в каждой избе. Нужны веские основания... духовные мосты, — Тефиус пронзительно, желтоглазо взглянул на спутника.

Командир ответил чистейшим недоумением.

— Не сечешь, а? — участливо спросил лесничий. — Лады, свожу тебя в читальню, как там проветрится... Встретишь свою левилею – запланируем культурное дефиле...

— Послушайте, отче, — помедлил Джейс, — а как поживает моя вспоможеница, нимфа с тонким станом и роскошной огненной копной?

— Легия? Роскошно поживает, копну свою полощет да станом егозит без конца и края, и рот у ней болезной заклинило, все о тебе вопрошает... Нажил ты себе поклонницу, лейтенант, вот что я тебе скажу...

— А как она относится, прошу прощения, к верховым дефиле?

Глава 3. Есть

Флера, надежно окруженная звездоплывателями, нервничала на капитанском мостике и создавала впечатление, что изучает сложный тип маневрирования в безвоздушном пространстве. Третьи сутки все, включая Баэля слева по борту, только и делали, что делали вид, тем самым отвлекая принцессу от более достойного занятия вроде созерцания иллюминатора подозрительно затуманенными глазами. Рисование рун на запотевшем от дыхания стекле быстро

превращалось в расстройство, посему, как только принцессу тянуло на нетрадиционное творчество, ее брали за руку и предлагали полезную альтернативу.

Команда наивно использовала такое успокоительное как самоходные шахматы (дабы принцесса думала лишь о том, как не заработать мат в два хода), или вышивание шелками на троих (мозолистые пальцы Йона постоянно тряслись и роняли иглу, и его дисквалифицировали из клуба кружевниц за профнепригодностью), или дегустация «легких воздействием эфемеров местной винодельни». В последнем случае Флера ограничивалась фразой «Господа, верю вам на слово, что это бесподобно и сногшибательно» и давала понять, что опоенная принцесса представляла бы собой слишком упоительное зрелище... Космическое...

Более всего ее высочество предпочитала поединки на бортовых тренажерах с мучительно недостижимой перспективой отшлепать при помощи оружия некоторую парочку несдающихся наглецов. Засим наступало отмщение наглецам посредством вольного пилотирования с утрированием воздушных ям в режиме реальных ощущений, отчего Йон хохотал как сумасшедший. Рони разрешал ей такую вендетту, покрывая ее расплывчатыми понятиями «психологическая реабилитация» и «шоковый захват». А еще в расписании принцессы значились собеседования с психотерапевтом, с обязательным вскрытием комплексов, коих у принцессы ну просто завались, избавление от них же с помощью чудес алхимии, пополнение гардероба и внеочередного объемистого сундука с аксессуарами (Рони так приземленно именовал драгоценности), снова дегустация – в теории, вязание морских узлов на подопытных добровольцах – список затей быстро расширился, но особого энтузиазма это не прибавляло.

Кедда как непревзойденный ценитель истории и документального ее отражения предлагал услуги толкователя карт Мирты, начиная с эпохи Ранней Версы. Флера велась на это охотно, проявляя особенный интерес к кластеру Альгурис в скоплении Лега, и команда этой слабостью пользовалась, ибо регулярно находились свежееотпечатанные образцы, и заносило их в самые непредсказуемые места. В сей спонтанности Рони подозревал бортовую технику, слишком зависимую от людских стремлений к познанию.

Опрометчиво провозглашенная капитаном программа «Метеор» вступила в стадию затяжного апогея и подвергалась как критике на местах, так и ежечасной пролонгации.

В это прекрасное утро один из наглецов, долговолосый, демонстрировал принцессе, как дрейфовать на арганте без вреда для окружающей среды и собственной репутации, и ее это не особо радовало, к огорчению остальных, пока Рони, ближе ко второму завтраку, не произнес ключевого слова «есть». Торжественно и тихо.

Принцесса оцепенела, а дрейфующий корабль чуть не вылетел за орбиту, обозначенную локальной программой «Метеор». Приборы завывли, а Баэль по инерции пронесся мимо, полыхая пламенными габаритными огнями.

— Командир на связи, — возвестил Рони мягко и нежно, аки кормилица, но Флера все равно потеряла голову. Часто-часто моргая, она недоверчиво взглядывала на возликовавшую компанию, выдавая состояние полной растерянности и готовности к новой истерике, каковая разразится от неземного счастья и по эффектам грозит переплюнуть все горестные предыдущие вместе взятые.

— Что и требовалось! — с невероятным удовольствием произнес Рони, перенимая бразды управления девичьими эмоциями. — Леди и джентльмены! Не забываем личные вещи, готовимся к посадке...

Долгожданная весть о посадке совершенно логично заставила принцессу смертельно побледнеть, и Рони успокоил:

— Приземление произойдет завтра, рано утром, при восходе Игарры. Мадемуазель Флера, вы имеете все шансы блестяще подготовиться...

— Завтра? Отчего не сегодня?

— По соображениям осторожности и натурализма. Видите ли, завтра на заре иссякнут сроки, определенные короной для исправительных мероприятий насчет принцессы. Ее высочество, естественно, сразу направится на верховую прогулку, прихватив с собой в качестве телохранителя иноземного посланника – известное вам доверенное лицо...

... «Как состояние ее высочества?» — с замиранием всех центральных и периферических внутренних процессов спросил Джейс.

Рони был лаконичен, отписав: «С себя возьмите подобие – будет вам верный ответ». А после добавил, что помножить все полученное нужно на проценты и в беспредельную степень возвести.

Основная задача дня, обозначившаяся перед принцессой, была более-менее ясной, хоть и неподъемной: пережить этот день, незаметно для себя и окружающих, а затем и ночь. Выполнение задачи представлялось смутным.

Компанию по-отцовски выручил Йон, предложивший Флере принять самое активное участие в управлении подзатянувшейся программой «Метеор», вступавшей в решающую стадию. Принцесса не посмела отказаться, послушно зависла над капитанским креслом, не желая ни фехтования с гарантированным триумфом, ни завтрака с присутствием реабилитированного сонма русалок.

Пока Рони объяснял, как ведут себя астрофизические графики, когда в них помещают данные для снижения стального небесного тела по типу одуванчика, Кедда в промежутках сказывал о заслугах командира. В голове у принцессы образовалась порядочной густоты мешанина, и ее под ловким предлогом разгрузки увлекли в кубрик, где на розовой менсали с пионовой бахромой золотисто отсвечивали детища алхимических фокусов – невероятной красоты и изящества столовые приборы, начиненные аппетитной рецептурой. Принцессу разговорили и даже развеселили и разрумянили, параллельно обеспечили провиантом для восстановления сил и нервов.

Затем Рони заполучил девичье внимание в единоличном порядке для обсуждения вопросов гардероба и сопутствующих добродетелей, испокон веков украшающих юных дев, в особенности царственных.

Кедда с Инниром занялись уточнением деталей к запланированным «ролевым играм в непризнанном пока уездном театре», как их окрестил Йон. У близнецов давно уже проявились способности к совместным операциям. Взять хотя бы Кониса. Парни таки извлекли его из читальни, как и предупреждал Джейс, не имея, впрочем, под своим предупреждением никакого научного основания, лишь голословные грезы. Отличники учебы, тем не менее, его мечтания уловили и применили некое метафизическое уравнение, то бишь приравняли толстяка к бесплотной секреции и перенесли все получившееся под юрисдикцию Баэля. С последующей обязательной материализацией. Правда, как они это сделали, и почему уравнение сработало на живой субстанции, объяснить не мог даже аргант. Заплывший жирами и углеводами Конис словно бы представлял условно живую суть, а то и вовсе дохлую (выражение арганта).

Сам капитан, в свою очередь, увлекся неудобоваримыми графиками Рони, смутно чувствуя в них некое алгебраическое остолбенение и даже каверзу в виде изначально неверной постановки вопроса. Хотя графики эти самым издевательским и настырным образом действовали – корабль неуловимо, по миллиметрам, но снижался, изображая над Сивеллой слишком правильный по форме и содержанию, нетипичный метеор цвета зрелого графита с сапфировым следом и виверном на хвосте. И со взволнованной принцессой в салоне.

Глава 4. Едва рассвело

Всякая ночь – сказочная, по определению. А отступающая в забвение ночь Сивеллы – отдельная страница в альманахе пасторальной живописи. Диона пока что бледна – узенький

новорожденный ломтик апельсина, окруженный густой искрящейся взвесью с игольчатыми, вспыхивающими неяркими цветами гвоздиками, словно бы воткнутыми в небесный бархат.

На фоне прохлады, разливающейся со стороны леса, богатство падающего на голову неба ошеломляет. Безмолвное потрясение зрителю обеспечено. Конная пара очарованно похрапывает, светящиеся султанчики снуют вниз и вверх, а голубой метеор красиво расчерчивает высоты по изгибистой траектории. И сердце замирает, сладко, как в детстве на качелях. Нет, не то сравнение, и никакая метафора не подходит.

Тефиус заглянул сюда ненадолго и, заключив, что интереса в плане глобальной угрозы вылазка не представляет, уже откланялся, «дабы не светиться столь нерационально». Легия исчезла несколько раньше, получивши миллион комплиментов на свой счет. Благодаря ей, адекватно оценившей запрос командира насчет конного пробега, удалось покинуть пределы Аркса Венетуса в полной иллюзии, что он везет с собой принцессу встречать рассвет, согласно ее державной причуде. Тот же рост, та же стройность очертаний, лицо сокрыто под реальным капюшоном принцессы, а гибкие пальцы – переплетенные веточки – никому в темноте не видны.

Правда, Джейс опасался, что нимфа не вынесет прелестей конного передвижения впотьмах, поскольку это безусловный мифологический нонсенс, муравейник на паркете, в идеологии Тефиуса. Она не вняла его опасениям и вынесла. Ветвистое создание с роскошной оранжеватой кочкой вместо шевелюры заявило, что видело, как это делается, и ей этого достаточно. И оказалась права, к изумлению спутника. Живые виды и подвиды хорошо адаптируются друг к другу, хоть бы и кинетически – закон природы, так ему объяснили. Рехор был несколько озадачен, увидев дите природы, окутанное плащом его госпожи и многослойными болотистыми ароматами, но промолчал, решив, что «людям» виднее.

Цитадель они покинули без проволочек – кирасиры хорошо знали привычки наследницы, и очередной взбалмошный поступок их не удивил. Тем более что здешняя публика имела все основания подозревать: ее высочество, побывав под замком, непременно выкинет что-нить этакое, за что ее можно будет снова куда-нить запереть.

По счастью, патрули в Гвенне имелись только в виде названия. По возвращении принцессы все господа гвардейцы отправились спрыснуть это великое событие, возведя его в ранг государственного праздника, за что их никто бы не осудил, а даже наоборот. По итогам шумных корпоративных заседаний с самыми изысканными тостами в адрес ее высочества – соответственно, отправились в беспробудную спячку вместе с начальством, выпавшим в осадок вследствие ненормированной переработки и производственной инсомнии. Имели право.

Так, вершники беспрепятственно выбрались в ту лесополосу близ столичных отрогов, где Джейс первоначально встречался с королем Неером...

... Рони совершил идеальную посадку, как всегда – ложка не звякнула. Баэль еще покорял атмосферные вихри.

Джейс выждал положенные минуты, сгорая от нетерпения при полной поддержке конного дуэта, подъехал к месту посадки на полюбившемся брабансоне Эрвиле, ведя за собой Рехора, почуявшего близость хозяйки.

Болид отдыхает, осваивает переход температур от абсолютного нуля к легкой мглистой прохладе, испаряет разницу значений. Единство и борьба противоположностей роятся над куполом в форме взвешенного облака с бликами-пересветами. Надпись и иллюминация по окружности полыхают синим, клинкет гостеприимно открыты, в отверстиях виднеется призывно мигающий переходный шлюз.

Джейс спешил с заколотившимся сердцем, обеспечил скакунам какую-никакую привязь, вбив в землю колышек. Столбик, конечно, не ахти, но сообразительным животным иного

не требуется, идею стоять смирно и дожидаться седоков они отлично понимают, и Баэль их не смутит.

Едва он опустил ногу на крайнюю откидную ступеньку, его именовали командиром и приветствовали так горячо и складно, будто бы весь полетный график Рони подчинен был сегодняшнему предрассветному свиданию. А кто знает, может, так оно все и было...

Как только он выдержал входные манипуляции в шлюзе, на него налетела пара неприлично высоких юнцов. Виделись они не так давно, но создавалось впечатление, будто бы сорванцы невоздержанно растут не по дням, а по часам. Это он и констатировал, пока его стискивали, впрочем, максимально аккуратно, с учетом былой травмы.

Йон бородато улыбался неподалеку, готовый прийти на смену неугомонной молодежи, Рони изливал велеречивые оды, а вот больше в камерном обозрении никого не нашлось. Джейс, не сдерживаясь, изобразил немой вопрос. Три головы словно бы исполнили синхронный пируэт из партии мужского балета, указали на панель, за коей располагался коридорчик с каютами – «спальный квартал». Понятно. Принцесса не решилась присутствовать на общей церемонии, явно остерегшись осложнений.

Джейс кивнул извинительно, бросил быстро, что вернется, и они все обговаривают. Исчез за дверью-купе, оставив Рони благопристойно вздыхать, озвучивая общее безгласие и характерные сочувственные жесты капитана, означавшие, что парень попал в сильную зависимость, но, в свете произошедшего, туда ему и дорога...

... У Флеры хватило духу покинуть свою каюту, когда объявили общий сбор по прибытии телохранителя – не более. Она склонялась к тому, что стопроцентно раскиснет у всех на виду и омрачит предрассветную романтику, а на ее расстройство здесь уже насмотрелись досыта. Слабеющие ноги сами собой унесли ее назад, за добротнo скрывавшее все нюансы поведения дверное полотно.

— Ваше высочество! Вы позволите войти??

Голос снаружи выражал озабоченность, страсть, нежность и прочие легко различимые оттенки сердечных значений, приведшие к моментальному ускорению пульса внутри.

Она чуть слышно, почти механически толкнула дверь – и не заметила, как оказалась уткнувшейся в знакомую зеленую дорожную куртку, которая вздрагивала и пахла так волнующе и совсем безопасно. Льющихся слез она тоже не замечала, хотя ее так ласково уговаривали... ведь все позади, и больше он ее не оставит, даже если она выступит с доказательной инициативой. Освещение тлею в приглушенном, рассеянном режиме млечного звездного покрова, с учетом условного времени суток, и ей было приятно, что ее герой не различит подробностей ее измученного лица. Впрочем, она вскорости высвободилась из объятия, взгляделась напряженно, чтобы вышептать:

— Куда вас ранили? Насколько сильно? Не доставляю ли я вам ...

На лице она почувствовала, как теплые пальцы тихонько устраняют следы ее прорвавшейся радости.

— Неудобств? Никаких. Уверяю. Я в полном порядке. Можете удостовериться, — Джейс похлопал себя по плечу.

— Я думала, что сойду с ума... — прошептала Флера, скользя руками к его плечам.

— Я тоже... — ответило эхо.

На столике слабо мерцал альцерис, выглядевший так, будто бы его только что сорвали с поверхности земли. Стебель, погруженный в трапециевидную, отшлифованную как самоцвет вазу, бодрствовал – гибко, простирая листики, потянулся к командиру, едва тот возник на пороге.

Сквозь куртку Флера слышала равномерный настойчивый отсчет, словно бы глухое, но верное оповещение о полном совпадении сердечных ритмов, целей, жизненных ориентиров и всего остального. И никуда ей не хотелось уходить...

... Рони удалось отвлечь принцессу от избытка восхищения и труднопереносимых впечатлений. Пока Джейс обсуждал с близнецами план-сценарий «уездной труппы», он тактично задавал контрольные вопросы по отведенной ей роли. Предлагал конкретные ситуации, требующие решения и даже таланта. Зачин беседы звучал занятно:

— Вообразите, ваше высочество: вам выпала шикарнейшая возможность изобразить самое себя, а это, знаете ли, не всем дано. Посмотрев по сторонам, вы в этом убедитесь... И примите мои поздравления – вы в главной роли!

Переполненное девичье сознание бурлило грядущими переменами. Сложно было представить вселенских героев всего лишь периферийными сивелльскими артистами, но даже театрально неподкованный Йон уверен был, что парни сработают на «бис» или «анкор», как кому привычнее, без вредной идеализации. А что до подводных камней и приятных сюрпризов, так это не предугадать, хотя Рони выполнил все возможные расклады и предсказания будущего, вплоть до самых бредовых, критических, нервнопаралитических, уголовно наказуемых и идиотски невозможных. В уездном театре все допустимо, повторял режиссер, дабы это дошло до всех и растворилось в каждом.

Напоследок Флера долго, очарованно всматривалась в Иннира и Кедду, словно бы пытаясь запомнить их в том потребном виде, в коем эти двое предстанут пред ее очи, по-видимому, не скоро. Тихо выразила признательность, по своему обыкновению, тепло простилась с капитаном по прежней схеме, реверансировала Рони, и Джейс увел ее наружу, встречать рассвет.

Скакуны оживленно встрепнулись, привечая появившуюся из недр звездолета пару. Баэль смиренхонько, с кротостью дрессированного барашка дожидался выхода основных действующих лиц, попутно присматривал за смирно дремавшим экипажем. Броненосного коллегу не оставили без внимания и благодарности.

Рассвет в самом деле занимался – в восходном поднебесье неспешно разворачивался алый ковер с густой нежно розовой и золотой окантовкой. Любоваться, к сожалению, можно было лишь самую малость, что они и сделали, постояв бок о бок, обменявшись витиеватыми мнениями, однако прозвучавшими на фоне великолепия несколько скупой, без отражения атмосферного явления в полноте. Джейс попросту не осмелился выразиться привычными в иной среде колоритными характеристиками, а Флера еще не до конца пришла в себя. Впрочем, Джейс позволил себе несколько задержаться, дабы полюбоваться лишней раз своею принцессой в рассветной тиши и лично прояснить вопросы по оговоренному сценарию с его леди в главной роли. Пока что ей все было понятно.

Они возвращались вдвоем, и Джейс теперь выполнял миссию назначенного королем личного адьютора ее высочества – полноценного гардера со всеми вмененными короной обязанностями касаясь охраны и правами сбережения частной принцессиной собственности, включая ее апартаменты и пути отхода в крайнем случае. Несколько тайных перекладных убежищ монарх уже оборудовал в разных четьях цитадели, и ключи хранились у адьютора под сердцем.

Скакуны добродушно чеканили нежно-розовые мостовые Гвенны. Утро торжественно и быстро прогрессировало, волосы охлаждал ветерок, ближние холмы подплывали с прозрачно-фиолетовой загадочностью. Можно сказать, с неотступной уже мифологичностью.

Лучи смелеющей Игарры окрашивали островерхие черепичные крыши и оконную слюду в самые невероятные оттенки, от пастельно-коралловых до дымчатого вердигри. Флюгеры неохотно оживали, посверкивали серебристым или синеватым кобальтом. Над скопищем не слишком роскошных барачков с подгорной стороны болтался неприкаянно воздушный змей с мочальным хвостом, следовательно, массовые народные гуляния по случаю избавления наслед-

ницы только что завершились по техническим причинам, ввергающим организм в состояние алкогольной беспробудности.

Здесь трудовой и дворянский люд не практиковал созерцание рассветов, более склонный к встрече закатов по понятным бытовым соображениям. Но другим – скажем, принцессе – никто не мешал проявлять самобытность, и недопонимающих, как и явно осуждающих в утреннем эфире не наблюдалось.

На ранних, слегка странных верховых выходила поглазеть, позевывая, известная домашняя живность. Брехать собакам было лень, и они потягивались, активно чесались у заборов, чего-то рыли от переизбытка энергии, а может, согласно долгу. Более грациозные пушистые создания провожали конников ленивыми, бессовестно праздными глазами.

Из косога переулка связной россыпью выдвинулись гуси и, вытянув шеи, предупредили, что в их личное жилое пространство проникновение карается жестоко и недружелюбно. На улыбку верхового, что повыше и покрепче, они отреагировали с подозрительностью, свойственной крупным водоплавающим.

Флера держалась в седле как принцесса, утреннее желание которой было выполнено, украдкой поглядывала на исполнительного своего адьютора, опускала ресницы. Всякий раз он это замечал и незримо возносился выше семи небес, не забывая при этом посматривать на землю.

На земле все было в порядке и по сценарию. Редкие горожане застывали, увидев принцессу, о которой что только не вращали последнее время обыватели и гости столицы. Обознаться, посчитать ее иной особой было невозможно, даже при наличии обезличивающего костюма для верховой езды, в котором она выглядела великолепно до обожания. Неисправимая осанка, грация верхового передвижения, оттенок волос, тонкие черты лица, лишённые самого легкого загара – принцессу в королевстве ни с кем нельзя перепутать. Шаловливым и непредсказуемым характером ее высочество, видимо, производила на народные массы благочинное впечатление – ей весьма почтительно улыбались, кланялись земно и неличемерно, с филигранной параллельностью срисовывая всю подноготную ее спутника. Чтобы было чем крыть оппонентов в значных местах столицы. Либо присочинить новые беззлые мифы на актуальную тему.

Чуть позже Джейс с удовлетворением заметил явление чуть тепленьких, судя по морской походке, патрулей. Отдельные представители данного сословия молча, сосредоточенно впились в них мутными взорами, но задавать вопросы не решались, и невооруженным взглядом видно было, что их мучит либо икота, либо иная кабацкого происхождения хворь. Провожали принцессу тихо, в лучшем случае имитировали воинское приветствие, на что Джейс отвечал чем-то несурзано подобным.

По мере приближения к цитадели патрули становились более скрупулезными, их способность фокусировать осмысленный взгляд – более очевидной, движения делались менее непредсказуемыми, а речь и приветствия – более-менее человеческими. Встречавшие их у регулярных постов уже не посвистывали по-разбойному и не вопили друг дружке что-то вроде «Ля, красотка покатила к заутрене!», отчего Флера умоляла Джейса не реагировать и не ввязываться в разбирательства с печальным исходом для некоторых раздолбаев, всего-навсего очарованных ее возвращением.

Сквозь дворцовую арку проследовали без происшествий, Джейс дружески кивнул образцово тверезым кирасирам, выпускавшим его в рассветный поход. Дворовых в округе в ранний час было достаточно, и все они, от челяди до мажордомов, радовались освобождению ее высочества из-под справедливого заточения. Ну и самую чуточку дивились ее нетерпению, не позволившему дожидаться полноценного рассвета для прогулки. На Джейса, опять же, косились со здоровым интересом.

У непарадного подъезда, ведущего на половину принцессы, куда Джейс направил Эрвила, наблюдалось утреннее оживление по классическому либретто. Порхание свеженьких служанок

в прозрачных лучах Игарры, хор подтянутых молодцов из обслуги на фоне разбуженных птичьих стай — словом, приятная глазу и слуху будничная коловерть возвернувшихся в родные пенаты из бог знает какого неудобства, где местная дворня так и норовит либо вставить свои пять грошей, либо сунуть палки в колеса. Отмучились вместе с наследницей, хвала Небесам и его величеству!

Принцесса одним махом нарушила годами отлаженный, устоявшийся рабочий процесс – ответственный за ее благополучие персонал и не подозревал, что она настолько близко к сердцу примет отцовское к ней снисхождение и затемно покинет покои. Однако недоуменные лица быстро пришли в норму – наследницу все-таки любили и жалели по-свойски, как добрейшую благодетельницу. Понеслись улыбки, почтительные приветствия. Флере, похоже, нравилось возвращение к привычной жизни, и Джейс любовался ее настроением, несмотря на то, что они вернулись в крайне опасное место.

В момент, когда он помогал ей спешиться, в принцессины края ненароком принесло его величество. У Флеры подкосились ноги от жутких воспоминаний, но она собралась, повинувшись отцовскому взгляду. Вторая публичная встреча родителя с дочерью вышла не в пример теплее, чем первая. Да и с каких это пор монарху назначено скрывать истинное свое отношение к любимому чаду, каковое и заключено было исключительно из патернальной приязни в ее пользу?

Пока ее высочество прикусывала губы, сдерживая слезы, а король что-то внушал ей на ухо, произошло нечто. Такое острое, неприятное ощущение. Как гвоздем по стеклу. Когтем по вскрывшейся ране.

Джейса словно бы толкнуло чья-то назойливая бесцеремонность, он поднял голову и ... столкнулся взором с Моллиной Итерской. Гофрированная пиявка, никуда не торопясь, стояла в пассаже второго этажа перед стеклом, начинавшимся чуть не с подножья и, похоже, не кончавшимся, перетекавшим по ярусам выше и выше. С ледяным прищуром, возвысив острый подбородок над миллионом оборок, она взирала на него сквозь чистейшего исполнения стекло, а он и не пытался скрыть неудовольствия, вольно раскланявшись.

Она что-то кому-то бросила кратко, не отводя от него глаз, отошла, едва не пятась, растаяла в слюдяных бликах, оставив ощущение полного присутствия.

Что-то едкое было в ее растворении, зловещее до странности. И то, что так рано, заботливо поднялась вместе с соловьями... да приспичило ей во флигелек принцессы за каким-то интересом. Мегера в отставке – спи себе не хочу и получай пенсию. Но нет же, не спится опальной метрессе. И потом, Неер обещал выставить мадам с принцессиной половины, дабы не драконить чуткую воспитательницу иными подходами к возвращению принцесс. Кого же, позвольте полюбопытствовать, милая старушка здесь пасет, как говорят в Гвенне, «со-с-ранья»? Инструктирует кого?

Поверенных у Джейса в пределах Аркса Венетуса покамест не значилось, если не считать пары преданных скакунов да дракона на мглистом склоне, а карета с актерами – еще в пути.

Не стесняясь, он вдумчиво вглядывался в бликующее стекло. Можно было забрать Флеру. Раз и навсегда. Насовсем. Исполнить мечту всей своей жизни, увезти в Мирту, где никакая зараза ее не достанет. Для кораблика Рони это – легчайшее дело. Один бросок и – вкус свободы, приятные подвенечные хлопоты, рука в руке, опахала Предвечных над головами, сведенные церемониальным кушаком запястья... совет вам да любовь, дети мои, до конца дней, без преувеличения. Джейс и Неера увез бы без разговоров, да и всех, кого бы Флера пожелала, хоть полдворца...

Можно, да нельзя... По принуждению выйдет, не по-человечески... Династия, правящая минимум столетиями, не позволит себе так безвольно изгладить свое присутствие с вверенной и преданной ей планеты. Лейланд сгинет к чертям под гнетом подземелья, дай лишь поблажку

в виде их исхода, точнее, побега, для которого имеются все основания – нет лишь морального права.

Он, кажется, понял. Пересечение – это не про идеологию. К лешему идеологию! Пересечение – это живые люди, и судьбоносные решения, не по написанному, а от сердца... Так и Алерт вещал в свое время...

Поэтому он останется с ними до последнего, и разделит все назначенное, и еще поборется за свое и чужое счастье. Истис и все лихие чудотворцы! Если трезво раскрыть глаза: над Сивеллой сугубо в интересах некоего командира нарезает круги стальной метеор, и бородатый капитан придиричливо запрашивает графики, заправляя себя мощными энергетиками в объеме бездонных кружек кофе. И карета с актерами, между прочим, – уже в пути... И белокрыл не в бездушных степях выпестован...

Нет поверенных, господа? А как же монарх, его величество, даром что доверивший почти что незнакомцу самое дорогое, что у него есть и когда-либо будет? Король, собственной персоной, разве не в счет? А сама принцесса?

Полезных знакомств, само собой, пока недостает. Зато имеется избыток зеленых насаждений, в отсутствие репы. Да и все присутственные места, куда принцесса может выбраться, заполнены кадками с пальмами и лианами, по последней моде, согласно нерушимым принципам здоровьесберегающего дизайна среды.

А лесничий из благородного рода Тэфеев, даже если он командира с кем-то путает? Озерная нимфа, освоившая конную тряску за пару минут? А племянники?? В конце концов, Има???

Кто-то заботливо тронул его за локоть, и он перевел взгляд со стекла с затаившейся заклиной противницей в жутком фриволите, будто бы в сей партии шахматные фигуры ходят назад, предусмотрительно отступают... – зеленые зрачки глядели на него участливо, испуганно, интонация взвилась:

— Вам плохо?

Джейс едва удержался, чтобы не наградить ее прилюдно самым горячим из рвавшихся изнутри объятий вкупе с самым чистым поцелуем на свете. Ничего досрочного и несдержанного, просто от избытка чувств.

— Не извольте беспокоиться. Просто мимолетное виденье. Уходим, ваше высочество. Вам нужен отдых.

Неер вскинул голову вопрошающе.

— Молли в покоях принцессы, — тихо донес он до короля, и тот свирепо кивнул, метнув взгляд на пассаж.

— И экипаж, смею надеяться, — напомнил Джейс.

Король неприметно указал на молодцеватых лакеев, один другого плечистее, как на подбор, выполнявших не то погрузку, не то разгрузку, не то разгром, а скорее аудит чего-то в розовых коробочках, свертках и картонках. Самый развязный, видимо, старшой, манерно и нудно пристает к экономке по поводу накладной, не совсем, по его мнению, внятной за отсутствием подписи главного смотрителя из столичной ратуши. Намекает в сотый раз, что если не предоставить закорючку по данной логистике, он будет вскрывать все коробочки по убывающей, кончая наперстками, на предмет взрывчатых веществ, а она замучится потом запаковывать до первой звезды. Экономочка отбивается, покрывшись жаркими пятнами от намеков. Королевский спецназ под прикрытием, стало быть. Неплохо.

— Мажордом? — спросил Джейс.

Король задержался глазами на высоком справном муже в сиреневой ливрее с философски пересеченными на груди руками, сосредоточенном на созерцании общей картины бруновского движения на принцессином подворье. Стоик, польщенный вниманием, сценически повернулся, плавно выполнил поклон головы в сторону короля и принцессы, лениво скользнул взглядом по Джейсу, зацепившись за его португую.

— Герцог Брэгг, пользуйтесь его услугами без подозрений. Круглосуточно.

Джейс приветствовал круглосуточного герцога быстролетной мимикой. Гнилое болотце лучше осушать с испытанными герцогами. Хотя придворные с такими-то навыками обычно вызывают подозрения в первую очередь. Взор стойка безмятежен как поверхность пруда с лилиями, который никогда не баламутили. Ну что же, будет чем заняться первое время. Найти бы только подходящий бредень.

Полезные планы стайкой веселых картинок пронеслись в сознании, а вслух он сказал:

— Благодарю вас, ваше величество. С удовольствием воспользуюсь. Идемте, ваше высочество.

Разворачиваясь к принцессе, он видел, как герцог слегка вопросительно озадачивает взглядом короля, а Неер в ответ словно бы невпопад глазеет на проштрафившийся пролет второго этажа, после чего сиреневый софист со сказочной небрежностью смахивает с рукава былинки или же солнечные лучи и вальяжно исчезает в зеве черного хода, уныло приговаривая:

— Марта, помилуйте, ну какого рожна вам эти долгие посиделки? Хочется рвать и метать от вашего бездействия...

Театр у микрофона. То ли еще будет, господи.

Джейс наткнулся на настороженный изумрудный взгляд, тепло улыбнулся, предлагая принцессе руку:

— Ночная прогулка вас утомила. Позвольте вас проводить.

Она прозрачно улыбнулась, вздрогнула словно бы от прохлады – ей было страшно, он это чувствовал. Страшно войти под своды родного замка. Страшно возвращаться в свою спальню. И страшно сделать что-нибудь иное, отличное от задуманного. И самое страшное – однажды она *его* уже потеряла.

Он все прочел в замершем от напряжения взоре. И выдал свою редакцию событий, обобщенно, передавая мысли запросто, посредством согревающего душу взгляда. И два снаряда в одну и ту же воронку, ваше высочество, – это не про нас...